

А

Николай Дмитриевич Ахшарумов

<О романе "Преступление и наказание">

Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. -- М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003. (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

<...> В том, что Раскольников думал об этом вопросе долго с теоретической его стороны, нет никакого сомнения. В этом свидетельствует его статья, написанная два месяца перед тем и главной темой которой было *преступление*. В этой статье он успел уж додуматься до довольно рискованных заключений. Он успел, например, убедить себя, "что необыкновенный человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право... разрешить своей совести... перешагнуть через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для целого человечества) того потребует. Так, например, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия, вследствие каких-нибудь комбинаций, никаким образом не могли бы стать известными людям иначе, как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право и даже был бы обязан... *устранить* этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству...". Все это далеко не ново и так не хитро, что человек умственно зрелый может и сам понять, где тут кроется ложь; а потому мы и займемся этим впоследствии, на досуге; теперь же посмотрим, что далее?.. Далее -- "все, ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и т. д., все до единого были преступники уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы...". Вывод такой, "что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны по природе своей быть непременно преступниками, более или менее разумеется. Иначе им трудно выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться...".

...Вывод весьма замечательный, потому что он нам указывает, куда, может быть, неприметно для самого Раскольникова, но тем не менее очевидно для нас, клонила умственная его работа. С высоты исторических парадоксов, олицетворенных им в колоссальных фигурах Наполеона и Магомета, он инстинктивно стремился сойти к той крайне неопределенной черте, которая отделяет последний разбор общественных деятелей и людей, выходящих из ряда, от несметного множества двусмысленных личностей, *чуть-чуть выходящих из колеи, чуть-чуть способных сказать что-нибудь новенькое*, от таких, одним словом, насчет которых весьма мудрено решить: вышли ли они из колеи по природе своей или попросту соскочили с рельсов. <...>

<...> Что нужно сделать?.. Где и когда и каким образом? И точно ли он из тех, которые могут себе разрешить это по совести, ради высших целей? И где у него эти высшие цели?.. Где силы Ньютона и где открытия Кеплера?.. И кто стоит у него на дороге, препятствуя ему сделаться благодетелем человечества?.. Все это страшно сбивало и путало мысленную его работу, а тут нужда стегает его своим тяжелым бичом, как пугливую лошадь, упершуюся в пяти шагах от барьера, и он дошел до последней крайности, и идти больше некуда; а понимаете ли, что значит: когда человеку некуда уже больше идти?.. Как замкнут должен быть человек в себе, как удален от всякого освежающего дуновения извне, и с каким лихорадочным жаром должна в нем работать мысль, отыскивая какую-нибудь щелочку, какой-нибудь выход!.. И как болезненно раздражена должна быть фантазия, какие сны должны грезиться, какие предчувствия мучить, какой легкий доступ для суеверия с его одуряющей, темною силою!.. Какое фатальное впечатление может произвести малейший намек извне, самый ничтожный случай, дающий хотя и обманчивую, но все-таки какую-нибудь точку опоры для мысли, изнемогающей в колебаниях и отступающей на каждом шагу?.. На все это мы находим ответы в романе. <...>

И вот наконец в уединенной его мастерской, из этого мучительного процесса мысли, вылупился,

А